

Покорить бандита

Автор:

Катя Лоренц

Покорить бандита

Катя Лоренц

Верно говорят, что деньги портят людей, а много денег сводит с ума. Я не раз наблюдал за тем, как благочестивый семьянин, который лет десять был верен жене, уходит в полный отрыв, выиграв большое состояние. Семья побоку, вокруг него легкодоступные девицы, дорогой коньяк льется рекой. А потом, вкусив все пороки и пустив деньги по ветру, он уже не может по-другому. Игроки – это больные люди. Я бы охотно поменялся с ними местами, променял бы бабло на семью, которой у меня никогда не будет. Но каждый останется на своем месте, они люди, а я бандит, который никогда не отмоется от крови на руках. Содержит нецензурную брань.

Пролог

Перебираю ногами, спотыкаюсь. Я бы упала, если бы не сильные мужские руки, которые держат меня с двух сторон.

– Курица неуклюжая! – пробасил прокуренный голос.

Ориентируюсь на слух, пытаюсь понять, куда меня ведут. Стрекот сверчков, где-то вдалеке ухает сова, в воздухе пахнет свежескошенной травой, полевыми цветами. И оружейным маслом. Им сильнее всего, этот запах исходит от брезентового мешка, одетого мне на голову.

– Ступеньки, поднимай ноги, – предупреждает знакомый мне голос. Я выполняю, слышу, как открывается сейф-дверь, мы продолжаем куда-то идти.

– На колени! – приказывает тот же голос. Я бы не подчинялась, но мне давят на плечи руками, и бьют под коленки. Я падаю, больно ударяясь коленными чашечками. С меня снимают мешок, перед глазами пляшут белые круги, яркий свет слепит.

Оглядываюсь, я на коленях, вокруг меня собираются мужчины, они похожи на призраков девяностых. Лысые блестящие головы, черные футболки, на шее толстые золотые цепочки. Глаз не видно, даже в помещении на них солнцезащитные очки.

– Где Косарь? – спрашивает мой знакомый хриплым голосом, таким скрипучим, словно он отсидел лет десять и пил только чифир, выкуривая по две пачки сигарет «Беломор».

– На хрена тебе Макс? – спрашивает его лысая копия. Все они здесь, как под копирку, бандиты. – За что девчонку притащил? Что она сделала?

– Она ничего. А вот её папаша проигрался в пух и прах в нашем казино. Квартиру не забрать, она в социальном найме, принадлежит государству. Вот ее отец и предложил расплатиться дочерью, – я сглотнула горькие слёзы, прав лысый чёрт, папа так и сказал.

– Что она будет делать? – спрашивает один у другого, не обращая на меня внимания, словно меня здесь не было. Сердце замерло в ожидании приговора.

– Что в борделе делают? Больше она ни на что не способна. – Рядом стоящий мужик наклонился ко мне, схватил за скулы, больно сжимая прокуренными желтыми пальцами, покрутил моё лицо, внимательно осматривая товар.

– Ничего такая, – удовлетворённо кивнул, передвигая солнцезащитные очки на лоб. – Надо бы попробовать, он поправил ствол, не марки ТТ, который висел правее, тот, который я в глаза никогда не видела. Испуганно смотрела то на одного, то на другого, облизывая мягкие от слез губы.

– Мальчики, пожалуйста, отпустите меня. Я отработаю. В смысле, заработаю, всё до копеечки верну. Честно! – смотрела на ублюдков молящими глазами, сердце, в который раз за сегодняшний день остановилось.

– Мальчики! – заржал лысый. – Ты слышал, братан?

– погоди! – остановил его другой. – Как тебя зовут? – обратился ко мне.

– Я Аня.

– Кем ты работаешь, сладкая Анечка? – заправил мне прядку пшеничного цвета за ухо.

– У Ашота, продавцом. Но я могу и фасовщицей, и уборщицей. Я все верну! Только не трогайте меня!

– Хули ты с ней церемонишься? Она такой долг и через сто лет не вернёт! Даже если двадцать четыре часа в день будет вкалывать. В притон её, но сначала нужно посмотреть, что она умеет. – поглаживал ширинку, раздевая меня глазами.

Обернулась, искала в толпе этих нелюдей помощи, но поняла, защиты ждать неоткуда, у всех бандитов был такой же настрой.

– Тёлки не приехали, придётся тебе, Анечка, поработать. Справишься с десятью мужиками? – за спиной раздался одобрителный хохот.

– Со сколькими?!

– Смотри, как глазки выпучила, того гляди выпасть могут. Видно, что не затраханная, молоденькая. Ох, бля, сейчас яйца треснут, так хочу её ротик!

– Пошёл на хер, Гордыня, мне как пострадавшему нужна компенсация.

– Что ты несёшь, Кислый?

– Да эта сука сопротивлялась, смотри, как тяпнула за руку, – он показал следы моих зубов на руке.

Да, было дело, тогда я еще надеялась, что спасусь.

– Я буду первым в её ротике! – схватил меня за челюсть, широко открывая рот.

– Смотри, сука, укусишь, я тебе коленную чашку прострелю. Поняла? – смотрела в безжизненные, нечеловеческие глаза и верила, он говорит правду.

Кислый пытался расстегнуть ширинку. Я находилась в полуобморочном состоянии, слёз не было, наступило оцепенение, не верила, что это происходит со мной по-настоящему, все казалось сном, ужасным кошмаром.

– Стой смирно, – он отпустил мою челюсть, пытаюсь расстегнуть молнию двумя руками. Чтоб он прищемил свой грязный член!

Посмотрела по сторонам, лысые мужики стояли молча, в предвкушении. Не к месту вспомнилась считалка про десять негритят.

– Черт! Член колом стоит, расстегнуть не могу! – сетовал Кислый.

– Что тут происходит? – услышала до боли знакомый голос. Парни расступились, и я увидела его, человека, которого ненавидела и боялась до одури.

Вам было когда-нибудь так страшно, казалось, что душа выскочит из тела? Мне да. Я смотрела в чёрные глаза и тряслась от чувств, переполнявших меня.

Увидев меня, его глаза загорелись черным пламенем.

Он шёл ко мне, я, не разрывая зрительного контакта, отползала, пока не уперлась спиной в ноги его шестёрки. Джинсовая юбка задралась, были видны мои белые кружевные трусики. Туда-то и смотрели чёрные глаза. Дрожащими пальцами пыталась одернуть юбку, ничего не получалось.

Он улыбался красивой голливудской улыбкой. Но она пугала, как оскал волка.

Макс взял меня за подбородок и сказал:

– Ну, здравствуй, Анечка. Я же говорил, что ты ответишь за свою дерзость.

Глава первая

– С вас триста шестьдесят рублей, – бабушка медленно отсчитывала деньги, люди, стоящие за ней, недовольно вздыхали.

– Девушка, а что, вторая касса не работает? – женщина поставила корзинку с продуктами на ленту.

– Второй кассир сейчас подойдёт, не волнуйтесь, – дежурно улыбнулась покупателю.

– Это вам придется волноваться, я сейчас пойду к администратору, и она накажет вас за халатность и наплевательское отношение к клиенту.

– Он занят, – ага, он и задержал кассира, тискает где-то в подсобке.

– Вторая касса! – объявила Вероника, поправляя растрепанную прическу. Вдвоём мы быстро отпустили людей.

– Ашотик такой лапочка! – наклонившись, сообщила Вероника.

– Ник, вы не могли бы заниматься этим после работы?

– Много ты понимаешь, когда мужик так накидывается на тебя, невозможно устоять! – она блаженно закатила глаза. Да, я об этом мало что знаю. Мне не до отношений было. Работа, дом, сводная строптивая сестра и папа-игрок. Вот и все мои интересы.

В кармане униформы зазвонил старенький смартфон.

– Блин, учитель Тайки звонит, опять она что-то учудила.

– Да, Ольга Петровна. – Прокашлявшись поздоровалась с учителем.

– Анна Викторовна, у нас ЧП! И опять с участием Таи. Вам необходимо прийти в школу к директору.

– Сейчас? Но я не могу, я на работе.

– Постарайтесь подмениться, хотя бы на час. Или у вас будут большие проблемы.

– Хорошо, я постараюсь, – учитель сбросил звонок.

– Вероничка! – ласково начала я.

– Что, опять Тайка? – сочувственно спросила подруга.

– Да, я на часик. Прикроешь?

– Хорошо, беги уже.

Повесила форму на стул, когда выходила из магазина, меня окликнул Ашот.

– Эй, ты! Сюда иди! – чертыхнувшись, что не успела незаметно улизнуть, повернулась. – Ты куда пошла? В разгар рабочего дня? – Ашот вытер блестящий лоб платком.

– Ашот, пожалуйста, я на часик. Моя сестра...

– Твоя сестра мне надоела! Сколько раз за этот месяц ты отпрашивалась?

– Три.

– Ну, Ашотик, – ласково промурлыкала Вероника, – отпусти её, я всё отработаю, – он сально улыбнулся.

– Вечером отработаешь. Ладно! – махнул мне рукой. – Иди уже.

К зданию школы я буквально подлетела, предъявила паспорт охраннику, поднялась на второй этаж, возле кабинета стояла моя Тая, прислонившись спиной к стене, печатала что-то на телефоне.

– Тая, выплюни жвачку! – строго сказала Ольга Петровна. Я неодобрительно посмотрела на сестру.

– Что ты опять натворила? – шёпотом спросила её, заправляя ей за ухо зелёную пряжку.

– Ничего особенного. Не понимаю, зачем было тебя отвлекать от работы, – она смотрела на меня голубыми как небо глазами.

– Тая устроила драку в обеденный перерыв на школьном дворе, – пояснила учительница. Я хотела отругать проказницу, но тут из кабинета вышла директор, окинула меня придирчивым взглядом и буркнула:

– Заходите! – Тая закатила глаза, зашла первой.

– Анна Викторовна, – директор села на кресло, – мы стали слишком часто видаться с вами. Тая то дерётся, то с уроков сбегает, мне придется поставить вашу семью на учёт.

– А что случилось?

– Подралась с девочкой из очень хорошей, приличной семьи, – это она так намекает, что наша семья неприличная. – Пусть она сама расскажет, – директор перевела взгляд на сестру.

– Нечего рассказывать. Я у вас всегда крайняя и вы встанете на сторону богатой курвы.

– Зотова! – директриса ударила ладонью по столу. – Как ты смеешь так со мной разговаривать? – я разозлилась, никому не позволю повышать голос на сестру.

– Что вы кричите? Нужно сначала разобраться. Да, Тая трудный ребёнок, но она не причинит вред другому просто так, из прихоти.

– Делаю вам последнее предупреждение. Еще одна подобная выходка, ставим вас на учёт, и тогда уже вами займется опека.

– Хорошо, я поняла.

– Надеюсь, – директриса смахнула со стола несуществующие крошки. – Идите! Вы свободны.

Мы вышли из школы, подхватила сестрёнку под руку.

– Ну, расскажи, что случилось?

– Кира обижала мою подругу. И я ей стрелку забила. Мы честно дрались, я победила, а она побежала ябедничать. Крыса!

– Тай, какие стрелки? Ты же девочка, можно же решить конфликт словами.

– А если она слов не понимает? Кира Машку под лестницей зажимала, била, а учителя делали вид, что ничего не замечают, потому что отец Киры спонсор, купивший компьютеры, окна пластиковые поставил.

– Я прошу тебя, сдержись. Если опека возьмется за нас... Ну, ты сама все знаешь, отец у нас никакой, – пьяница и игрок.

Меня разбудил шум из кухни и мат отца. Опять пьяный припёрся. Накинув халат, вышла из комнаты, передвигалась на цыпочках, чтобы не разбудить сестру. В кухне было темно, щелкнула выключателем. Отец, пошатываясь, пытался снять со стены плазму.

– Что ты творишь? – хотя вопрос был риторическим, и так всё понятно.

– Ань, ты что встала? Иди, ложись, я тут чай хотел попить и телевизор заодно поправляю.

– Зачем ты врёшь? Ты опять проиграл в казино всю зарплату? – конечно, сегодня же день полочки, итог был очевиден.

– Много ты понимаешь! – папа повысил голос. – Мне сон приснился, Фортуна повернулась ко мне лицом, нужно сделать всего одну ставку! И всё! Мы вылезем из этой нищеты! Я же для семьи стараюсь! Вижу, как ты вкалываешь с утра до вечера.

– Пап, это не сказка! Нельзя, как Емеля, сидеть на печи и ничего не делать, в надежде, что появится щука и всё решит! Даже он слез с печи, только тогда у него что-то получилось. Может, тебе просто пойти работать и приносить деньги домой, а не в казино?

– Я не маленький, что ты меня сказками лечишь? Я поймал удачу за хвост, чуйка не подведет! В этот раз точно.

– Я закрою эту богадельню! Завтра же пойду в полицию, напишу заявление, подпольное казино запрещено, пусть принимают меры! – отец расхохотался.

– Какая же ты дура! К кому ты пойдёшь? К начальнику полиции?

– Да!

– Тебе лучше поискать его в казино, он сегодня играл в покер с Косарем! На щелбаны! Ох, мы поржали, когда плешивый подполковник, краснея, получал от Макса! Весь зал смеялся!

Опять этот Макс! В каждой дырке затычка, хозяин города, блин! Ненавижу! Тварь! Чтобы его расстреляли, как папочку! К нему уходят все наши деньги, пока я прозябаю в этом магазине. Неужели я застряла в этой дыре, всю жизнь так и проведу за прилавком у Ашота, получая гроши, и не зная, как свести концы с концами?

Отец тем временем справился и снял со стены небольшой телевизор, я уперлась руками в косяк.

– Не пущу!

– Отойди по-хорошему, – предупреждающим тоном говорил отец, – на фига тебе два телевизора? У тебя в гостиной плазма висит.

– Это моя плазма! Всё, что есть у нас в доме ценного, куплено на мои деньги! За эту плазму я полгода кредит платила! А ты только и можешь, что пропивать и проигрывать деньги.

– Ты живёшь в моей квартире!

– Она государственная! А не твоя!

– Но ордер на меня. Не нравится что-то? Вали к тёще в деревню!

– Ты же знаешь, я не могу туда уехать, там три года назад закрыли последнюю школу, где, по-твоему, должна учиться Тая?

– А кто говорит, что я отдам тебе Тайку? Ты только сестра, а я отец.

– Гад ты, а не отец! Я ращу её, как родную дочь!

– Вот сиди и не рыпайся. Пошла вон! – он толкнул меня, я упала, больно ударившись копчиком, отец, воспользовавшись моментом, ушёл.

Обливаясь слезами, пошла и закрыла дверь на щеколду. Не пущу! Пусть живёт, где хочет! Это мы так останемся в голой квартире. Завтра же напишу на него заявление, пусть приструнят заразу.

Ушла к себе. Тая, слава богу, так и не проснулась, бедная девочка, привыкла, что бывают вот такие ночные концерты.

Легла, но сна не было, и как итог проснулась с мешками под глазами. Заявление я всё-таки написала. Что там было! Отец завалился ко мне на работу, орал, угрожал. Замки я сменила, и он не мог попасть в дом. Хорошо, охранник вывел его.

Домой шла в приподнятом настроении. Я нашла выход! У нас с Тайкой всё будет хорошо. Если не будет отца, то мы с сестрой проживём на мою зарплату.

Но придя домой, обнаружила грустную сестрёнку.

– Что случилось?

– Отец приходил, а я думала, что это Машка и открыла дверь. Он ввалился и унес ноутбук, сказал, что поживёт у друга, ему он нужнее, – как подкошенная опустилась на диван.

– Прости.

– Ты не виновата, родителей не выбирают.

– А я оценки исправила, всё, контрольные прошли, скоро конец года.

– Ты молодец! – поцеловала её в лоб. – Это замечательная новость. А насчёт ноутбука не переживай, возьму новый, в кредит. Это всего лишь вещь.

– Ань, за что он так с нами? У меня нет больше отца! Будем жить вдвоём.

– Ты ж моя зайка, – обняла сестренку.

Отец не объявлялся. Тайка закончила шестой класс с одной четвёркой, чему я несказанно рада. Жизнь налаживалась, хотелось порадовать девочку.

– Отличница! Я дома! С сюрпризом! – но сюрприз ждал меня. – А ты почему в очках? – рассмеялась. – Опять видео снимаешь? – Тая молчала, подошла, сняла с неё очки, под глазом красовался синяк. – Кто это сделал? Отец?

– Нет, Кира, они с друзьями поймали меня и затащили в заброшку. Двое парней держали, а она била.

– Я в полицию! – обула обратно туфли.

– Нет, её дядя полицейский, это бесполезно, – руки опустились. Тая права, это как бороться с ветряными мельницами. Надоели эти сильные мира сего, попирающие законы, мораль, в которых нет ничего человеческого. Они люди, а

мы обычные трудяги, пыль на их идеально начищенных ботинках. Я вымученно улыбнулась.

– Мы найдем выход. А сейчас долой плохие мысли, пошли пить чай! Зря я, что ли, тортик покупала.

Мы сидели за столом, ела, не чувствуя вкуса. Тая тоже была напряжена. Кира обещала, что на этом история не закончится, и она выловит сестру. Тая ушла спать, а я металась по комнате, не знала, что придумать, и как оградить сестру. Запереть ее дома и никуда не отпускать?

Из раздумий меня вырвал звонок.

– Да, бабуль, – бабушка по голосу поняла, что со мной что-то не так.

– Что случилось? – вкратце рассказала ей всё.

– Я забираю Тайку на лето. Ей у меня будет хорошо, здесь воздух чистый, пруд, не то что у вас в городе, и тут она будет в безопасности.

– Она не поедет без Машки, они с ней не разлей вода.

– И что? Пусть едут вместе. У меня своё хозяйство, что я, девчонок не прокормлю?

– Ой, бабуль, ты меня очень выручишь. – Это выход, за лето все может измениться.

– Да перестань, Анюттик. Мне Тая как родная, она хорошая девочка. А чудит, так это возраст такой.

После долгих уговоров сестра согласилась съездить к бабушке, естественно, с Машей.

На следующий день бабушка забрала Таю. Грустная пришла на работу.

- Ань, ну чего ты, ей там будет хорошо. – успокаивала Вероника.
- Угу, – приехали они или нет? А вдруг пойдут на речку одни? Вдруг солнце голову напечет?
- А ко мне Филипп Киркоров приходил, – надо бы ей ветровку вторую положить. Вдруг порвёт? А лето у нас одно название.
- Ты слышала, что я сказала?
- Угу, – надо бабушке сказать, чтобы клубники много не давала, у Тайки в детстве аллергия была.
- Эй, сова? Долго угукать будешь? – А вдруг простынет после речки?
- Угу, – надо список литературы на лето отправить и бабушку попросить, чтобы проконтролировала.
- Мне Ашот деньги дал, сегодня идём в клуб. И ты тоже идёшь со мной.
- Угу. Погоди, какой еще клуб? Ты что, с ума сошла?
- Поздно, за свои слова нужно отвечать, А ты согласилась!
- Ника, мне нельзя!
- И почему? Тайки твоей нет, ты одна, хватит уже дома куковать.
- У меня денег нет! – нашла железобетонный довод.
- Ты слышишь меня? Или только о сестре думаешь? Ашот всё оплатит. Сегодня в 22:00 я у тебя, будь готова. Возражения не принимаются.
- После работы куда-то идти? – жалобно канючила я.
- И что, завтра не твоя смена, можно спокойно уйти в отрыв.

В итоге мы с Вероникой в 23:00 зашли в клуб «Олимп», так себе заведение, для рабочего класса, но мы тоже не Перис Хилтон.

На входе показали паспорт, на руки нам поставили неоновые печати с символикой клуба. Я смотрела на зеркальную стену. Ника, зараза, одела меня по своему усмотрению. Теперь я выгляжу, как «простигосподи» в коротком платье с глубоким декольте и голливудскими белыми локонами. Одергивала низ, оголился вверх, туфли на высоком каблуке.

– Анька! Ты чего застряла? – Ника подхватила меня под руку и повела в зал, где грохотала музыка.

– Может, я домой пойду?

– Ага, размечталась! – она села за барную стойку. Абсент! – она показала два пальца, бармен кивнул и налил. После долгой процедуры вдыхания через трубочку, бармен поджег жидкость. Горло обожгло, по телу разлилось тепло.

– О! Ни фига себе! – Ника куда-то смотрела. Я проследила за ее взглядом. Шли какие-то лысые качки, а толпа, завидев их, отступала, во главе этой процессии шел парень. Высокий, кожаная куртка трещала в плечах, футболка не скрывала рельефность мышц, красивые черты лица, всё было хорошо в нем, кроме глаз, они меня пугали. Пронзительный взгляд волчьих черных глаз, проникал в душу. Он окинул клуб равнодушным взглядом, встретился с моим. Я боялась отвести взгляд, казалось, если перестану смотреть, то этот волчара сожрёт меня, он внушал лишь одно желание: бежать.

Я не слышала ничего, кроме колотящегося сердца, черное пламя в глазах сжигало душу, превращая все в пепелище. Когда он отвернулся, вздохнула с облегчением.

– Кто это? – спросила Нику, нагло пялясь на упругий зад незнакомца.

– Ты что? Это Максим!

– Какой ещё Максим?

– Косарь! Так, Анька, хватит отсиживаться, пора становиться звездами танцпола.

– И зачем нам это?

– Я хочу, чтобы Максим обратил на меня внимание. Он такой классный и опасный. Про него такие ужасы рассказывают!

– Какие?

– Ты знаешь, – благоговейно прошептала Ника, – у них есть дом где-то в глуши, там собирается вся стая. Они пачками девок привозят и пускают по кругу. Ему все подчиняются, а я покорю его и стану хозяйкой города! Он такой секси!

– Не заметила! – залпом выпила очередную порцию абсента.

– Ой, не рассказывай! Я-то видела, как ты на него пялилась!

– Так! Ты хотела танцевать? Пошли! – единственный способ заткнуть Нику, это согласиться на то, чего раньше не хотела делать.

Это ж надо было сказать такое? Я – и пялилась! Да нужен он больно!

Ника активно работала локтями, пробираясь к сцене, где возле пилон танцевали девочки в нижнем белье ядовитого цвета. Биты оглушали, алкоголь толкал на безумства, мы извивались под музыку, смеялись.

– А теперь конкурс! – объявил диджей. – Приглашаю на сцену трёх девушек и трех парней. Голосованием выберем, кто лучше станцует. Победители получают пять тысяч рублей! – толпа радостно загудела.

– Ань! Что стоишь?! Бегом на сцену!

– Какая из меня танцовщица?

– Пять тысяч!

И то верно, а вдруг повезёт? Ага, если соперницами у меня будет две калеки.

– Слабо? – Вероника прищурила глаза. – Да?

– Ещё чего! Готовь камеру, запечатлеешь мою победу, – поднимаясь по лестнице, чертыхалась. На что я подписалась? В соперницы ко мне вышли две жгучие брюнетки, им сразу нашлась пара, а я, переминаясь с ноги на ногу, кусала губу, искала в толпе хоть кого-то. Со мной даже танцевать никто не хочет.

– Кто станет парой горячей блондинке? Как твоё имя? – прошептал диджей.

– Аня, – голос, как писк мыши.

– Я буду! – округлившимися глазами смотрела, как на сцену запрыгнул Макс, снял куртку и бросил лысому миньону, зал шептал, а ему хоть бы хны. Непробиваемый какой-то.

– Грязные танцы! – объявил диджей. – В таком стиле нужно станцевать, пара, которая станцует жарче всех, получит приз.

– Справишься, куколка? – у Максима низкий волнующий голос, сильная мужская рука легла мне на талию. И тело задрожало от непонятных, незнакомых ощущений. Мне нравилось? Но это невозможно, я ненавижу таких, как он. Подняв голову, смотрела в чёрные глаза, в них словно тьма собралась, над ними черная, мужественная линия ястребиных бровей. От его рук тепло разливается по телу, дыхание участилось.

Невероятно, так не должно быть, он не может мне нравиться! Этот Макс бандит и король жизни, я презираю его, именно к нему утекают наши денежки. Из-за таких, как он, отец стал игроком.

– Справлюсь! – вздернула подбородок. Заиграла музыка, он обхватил мои бедра, двигаясь в одном ритме с моим, я отдала управление своим телом ему. Подчинилась, но это только в танце!

– Запрыгивай на меня, – скомандовал Максим.

– Что? – удивительно смотрела на него.

– Доверься мне, – и я это сделала. Между моих ног джинсы такие твердые, кажется, у него ствол. Или нет? Держа за талию, опрокинул меня. Вися вниз головой, зачарованно смотрела, как он проводит рукой по ложбинке, так чувственно, сжала ноги сильнее, во мне проснулся вулкан. Должна признать, этот парень ходячий секс.

Он поставил меня на ноги, развернул спиной, руки поползли вниз по телу, оставляя горячие дорожки, сердце сбилось с ритма. Это всё танец! Не Макс так действует на меня! Откинулась головой на его плечо, крутя восьмерки бедрами.

– Ты можешь быть сексуальной? А то нас обойдут, а я не привык проигрывать, – он сжал мои бедра, виляя попой, терлась о него, мы двигались в одном ритме, слились в одно целое.

– Да. Вот так, девочка! – осипший голос щекотал мочку уха, воспалял.

Ему покруче надо? Ну ладно! Сам напросился! Скользя по его ногам попой, опустилась на корточки, потом поднялась, проехала по нему, зацепилась ягодицами за ствол. Пальцы до боли сжимали бедра, он развернул к себе лицом, я тонула в черном огне, больно ударил головой о пилон, но мне всё равно, горячее поджарое тело прижималось ко мне, терпкий запах заползал в нос, горящие глаза сжигали всё внутри.

Он наклонился и впился в рот поцелуем, пожирая губами, сводя с ума движением языка.

Мой первый поцелуй подарен бандиту? Да как он смеет?! Какое отношение поцелуй имеет к танцу! Оттолкнула его и врезала со всей силы, тяжело дыша, проклиная взглядом. Я мечтала, что поцелую своего парня. А он украл!

Музыка стихла, звонкая пощечина эхом звенела на весь зал.

– Как ты смеешь, грязная шлюшка? – он больно бил словами, как хлыстом. Рыча, придавил меня ещё сильнее.

– А ты? Как ты посмел целовать меня, придурок!

– Бессмертная что ли? Думай, кому и что говоришь! – он больно сжал шею пальцами, если он захочет, то может свернуть мне её, как котёнку. От страха потряхивало, я подняла руку на бандита прилюдно, и теперь я труп, он не простит такое.

Глава вторая

Максим

Огни встречных машин слепят, я гоню на всей скорости, только за рулём своего Гелендвагена чувствую себя живым.

В остальное время кажется, что чувства просто атрофировались. Иногда злость посещает меня, но это редко. Бывает, что я специально ищу косяки, за что бы мог разозлиться, но чаще это невозможно. Все так боятся моего гнева, что стараются не делать ошибок.

Было время, когда я был счастлив, лет так в девять. Мой родной отец работал на заводе обычным сварщиком шестого разряда, в тот наш последний день он водил меня на новогодний спектакль, билет ему выдал профсоюз. Я сидел на коленях у отца, с интересом смотрел на сцену, счастье переполняло меня, я помню то состояние, когда сердце замирает, а потом бьется часто-часто.

А вечером его забрали менты. Шавки легавые! Кто-то подбросил в наш огород биту, которой убили человека, а обвинили в этом отца. Только через неделю его отпустили под подписку о невыезде.

Он признался! Ага, конечно! Чёрта с два он мог кого-то убить! Эти уроды просто выбили из него признание. Я смотрел на него и не узнавал, это был призрак того человека, которого я знал.

Эту неделю я сидел с соседкой тетей Машей. Мы оба верили, что это недоразумение, и всё разрешится. Матери у меня не было, она бросила нас, когда мне был год. Для меня всем был отец, мне вполне хватало его любви.

Я думал, всё наладится, но утром нашел его в петле. Отец не смог бы жить с клеймом убийцы, он был честным человеком. Тётя Маша обнаружила меня вечером, я сидел, раскачиваясь из стороны в сторону, перечитывал записку.

«Сынок. Прости меня, что оставил одного. Меня всё равно посадили бы, а я не смогу жить в тюрьме. Знай одно: твой отец ни в чём не виноват. Будь всегда честен. Я любил тебя»

Любил... Любил...

Его слова эхом проносились в голове. С каким-то больным равнодушием я смотрел, как новогодние огоньки пляшут на посиневшем лице отца.

Полгода я не разговаривал, надо ли говорить, как несладко жилось в детдоме с клеймом сына убийцы и с тем, что я никому ничего не мог сказать?

Среди детей-волков пришлось жить по законам стаи. Я не говорил, но научился отвечать кулаками. Озлобленный на весь мир, я завоевал уважение.

Потом мне улыбнулась фортуна. В детский дом пришёл с благотворительным визитом Сергей Косарев. Видимо, замаливал грехи. Мы сразу почувствовали эту невидимую связь друг с другом. Матерый волк, хозяин города, не знающий пощады, и я, маленький волчонок.

Сергей в молодости стерилизовался и не мог иметь детей. На то были причины, его сына в лихие девяностые порезали, как поросёнка, куски разбросали по всему городу. Тогда он превратился в монстра, по городу лились реки крови. Виновники, и все, кто хоть как-то был причастен к этому, были жестоко наказаны. Сергей захватил власть в городе, потом во всей области.

Естественно, он не хотел иметь сына, чтобы это не стало его больным местом. В его жизни не было нормальных женщин, одни шлюхи, чтобы не привязываться. Я стал таким же. Твердо придерживался этого правила: ни к кому ничего не

испытывать. У меня не должно быть ахиллесовой пяты. Если я сдохну, то только сам и не потяну остальных за собой.

Когда мне исполнилось восемнадцать лет, Сергея расстреляли прямо в парикмахерской, вместе со всеми, кто там был. Жалко Жанну, милая была, а как она хороша в постели... Я поимел её на свое восемнадцатилетие.

Началась война, суки хотели власти, а умылись кровью! Думали, что справятся с сопляком? А хрен им! Отец Сергей всему меня научил, я знал, как противостоять этой шобле.

Они тряслись за свою жизнь, семью, а мне нечего было терять. Мне жизнь давно наскучила и, наверное, я искал смерти. Во мне не было страха, я убирал одного за другим, это была моя кровавая вендетта.

Теперь всё тихо, такой жести, как раньше, нет. Я стал гребаным бизнесменом (рассмеялся). А мне так не хватало этого адреналина, когда или ты или тебя.

Вокруг меня одни пресмыкающиеся, и мне никто не смеет противостоять. Полгорода работает на меня, остальные платят аренду. Заводы, магазины – всё здесь принадлежит мне. Из нелегального бизнеса остались только казино, путаны и торговля оружием.

Нет, мне хватило бы тех денег, что я получаю от бизнеса, но я люблю казино. Там по-настоящему раскрываются все пороки. Когда эти ушлепки проигрывают, они готовы заложить свою семью. Все семь грехов плещутся в них. Иногда я разрешаю кому-то выиграть и наслаждаюсь зрелищем.

Верно говорят, что деньги портят людей, а много денег сводит с ума. Я не раз наблюдал за тем, как благочестивый семьянин, который лет десять был верен жене, уходит в полный отрыв, выиграв большое состояние. Семья побоку, вокруг него куча шлюх, дорогой коньяк льется рекой. А потом, вкусив все пороки и пустив деньги по ветру, он уже не может по-другому. Игроки – это больные люди.

Я бы охотно поменялся с ними местами, променял бы бабло на семью, которой у меня никогда не будет. Но каждый останется на своем месте, они люди, а я бандит, который никогда не отмоется от крови на руках.

Подъезжаю к неприметному зданию, ремонт обуви. Именно здесь, в подвальном помещении, обувают людей. Тут моё казино. Сзади меня паркуются два джипа – мои люди. Мы синхронно хлопаем дверьми, и они тенью следуют за мной. Кожаная куртка хрустит, когда я достаю пачку сигарет. Поджигаю и делаю затяжку. Гордыня и Кислый, приближённые ко мне люди, стоят рядом и прикуривают, лицо Кислого подсвечивает огонь, и сейчас оно кажется дьявольским. Эти безжизненные глаза убийцы безразлично смотрят на меня, он как шакал, которому не хватает крови, который тоскует по тем ощущениям, когда вершил судьбы другого, решал, жить ему или нет.

У меня нет такого желания, я не жажду крови, скорее, это была необходимость, по-другому я не мог поступить. У нас интуитивная связь, нам не нужно разговаривать друг с другом, чтобы понимать.

Докурив, щелчком отбрасываю окурок, засунув руки в карманы, иду в казино. В здании нас встречает охранник, открывает неприметную дверь, вынужденная мера предосторожности. Менты едят с рук, но бог их знает, вдруг им захочется звёздочку побольше, и они закроют казино.

Спускаемся по лестнице, стены тут зеркальные. Гордыня оформлял. Пунктик у него с зеркалами, любит шпилить баб возле них, здесь он уже попробовал.

– О! Главный легавый здесь! – презрительным прокуренным голосом говорит Кислый.

– Приветствую, – подхожу, подполковник встаёт, пожимает мне руку. С такими людьми приходится дружить, и неважно, что я ненавижу ментов.

Вразвалочку сажусь на стул, подзываю официанта.

– Виски со льдом, – делаю заказ, продолжая смотреть на подполковника. Он даже не снял форму, совсем не печется о чести мундира. Официант ставит квадратный стакан, где побрякивают кубики льда.

– Милый, – проворковал мне на ухо женский голос, она скользнула руками по шее. – Я соскучилась. – Я даже не помню, как её зовут. – Можно, я сяду к тебе на колени? – повернувшись вполоборота, оценил ее наряд. Откровенный вырез, в

котором я вижу красного цвета белье, и холмики силиконовой груди, ультракороткой длины платье, накачанные губы облизывает острый язычок. Все они, как одна, похожи друг на друга. Это очередная потаскушка.

– Садись, – равнодушно говорю, делая глоток горячительного напитка. Она радостно опускается мне на колени, ерзает, мой организм реагирует на молодое стройное тело. Она улыбается, уверен, завтра будет звонить подружкам и рассказывать, что у самого Косаря встал на нее. Она слишком близко, приторный запах парфюма заползает в нос, раздражает.

– Бет, – подполковник делает ставку, трет левое ухо. Да он жулик! Вот пёс плешивый, решил сделать мое казино? Я воспринимаю это, как вызов лично мне. Я злюсь? Я что-то чувствую?! Интересно.

– Рейз. – Он поставил больше, чем у соперника. В итоге подполковник выиграл, но теперь я знаю все его многоходовки, как загораются глаза-бусинки, когда ему приходит нужная карта. Его соперники отказываются играть.

– Ну что? Товарищ подполковник, сыграем?

– С удовольствием, Максим.

Сгоняю девку с колен.

– Не просто на деньги.

– А на что же?

– Победитель загадывает желание. Озвучу своё: если я выиграю, поставлю тебе десять щелбанов, – он поправляет галстук, по его лицу вижу, как хочет меня послать, но понимает, что в моих руках власть.

– Не слишком ли большое желание? – нагнувшись, ближе кладу руки на зелёное сукно стола.

– Боишься? – иронично приподнимаю бровь, он краснеет, но гордость и уверенность в своих силах берёт верх.

– Тогда моё желание: хочу это казино и кондитерский завод, не весь, только половину перепишешь на меня. – Кислый рыпнулся, не глядя, придержал его рукой.

– Хочешь жить в шоколаде?

– А почему бы и нет? По-моему, равноценное желание, в случае проигрыша я тоже много что теряю. Честь мундира, например, – удерживаюсь от ухмылки, он и так её продал.

– Хорошо, – откидываюсь на спинку кресла.

– Макс! – возмущается Гордыня.

– Тихо, – говорю ему спокойным голосом. Адреналин разгоняет кровь, я хожу по лезвию ножа, и это щекочет нервы. Завод-то прибыльный, да и казино тоже. Подполковник довольно улыбается, заглядываю в карты. Неожиданно.

– Что, вскрываемся? – подполковник светится от счастья. Киваю.

– Каре! – кладёт на стол четыре туза и девятку.

– Что, съел? А желание-то какое загадал! – он рассмеялся.

– Ну что, партнер, пошёл на хер из моего казино! Да! – он радостно поднял руки вверх.

– Все слышали? – люди стали оборачиваться, подходить к нам, перешептываться. – Я обошел самого Косарева! – он откинулся на спинку стула, довольно сверкая желтыми зубами.

– Не торопитесь, товарищ подполковник, – его глаз дёрнулся, видимо, он не ожидал такого поворота. Кладу на зелёное сукно пять старших карт одной масти, чёрных, как моя душа.

– Нет! – подполковник наклоняется, не верит своим глазам. – Ройял Флеш? Ты шутишь? По-любому ты жульничал!

– Всё честно, я не тер ухо, как это делал ты, – с виду я спокоен, но во мне просыпается чувство, похожее на радость. – Я хочу свой приз, – подставляй, поп, свой толоконный лоб.

– Макс, может, не здесь? – он с опаской поглядывает на толпу, люди смотрят с предвкушением, не каждый день они смогут видеть, как бандит ставит щелбаны подполковнику.

– Нет, здесь! – подхожу к нему, толпа радостно считает, а я бью средним пальцем по блестящему лбу, с удовольствием смотрю, как краснеет подполковник под дружный хохот собравшихся. Даже Кислый с Гордыней улыбаются.

– Без обид? – спрашиваю его, он вытирает пот со лба.

– Какие тут могут быть обиды Максим, всё честно, – кивнул ему, ушёл, прихватив по дороге брелок. Притащил в туалет, большего она недостойна, – она потянулась к губам.

– Не туда, – надавил ей на плечи, брелок понятливая, сама расстегивала джинсы. Достал из кармана блестящие пакетики раскатал латекс по члену. Защита прежде всего. Через минет спид тоже можно подцепить. Если мне суждено умереть раньше времени, то не таким способом.

Шлюшка старается, обхватывает губами, я полностью погружаюсь ей в рот, наматываю черные локоны на кулак и жестко трахаю её. По щекам бегут чёрные разводы от туши, изо рта бежит слюна, пара механических движений, и я кончаю. Чувствую какое-то опустошение и ноль эмоций, просто снял напряжение.

Что со мной не так? Ведь человек должен хоть что-то чувствовать, я же словно робот.

– Милый, – деланно хриплым голосом спрашивает она. – Тебе понравилось?

– Нормально, – ее напрягает мой безразличный тон.

– Я так возбудилась. Трахнешь меня? – нет уж, увольте. Достāju из кармана сто баксов, и бросаю ей под ноги.

– Спасибо.

– Что? Я шлюха для тебя, что ли?

– А кто ты? Отсосала по быстренькому, я щедро заплатил, твой ротик стоит не больше пяти баксов, – поправляя одежду, смотрю вниз, она берёт деньги, прячет в красный лифчик. Ухмыляюсь, так я и думал.

– Может, встретимся еще раз? – толкаю дверь и говорю:

– В этом нет необходимости.

– Ты чёртов придурок, Косарь! Я думала, у нас отношения! – ага, поди в мечтах примеряла свадебное платье. Она не ценит себя, отпускается так низко, почему я должен её уважать?

Выхожу в зал, ко мне подходит заядлый игрок, я часто его вижу здесь, очередной придурок, который проигрывает последние гроши.

– Максим Сергеевич, прошу, дайте мне кредит. Я чувствую, мне подфартит.

– Иди домой, к семье. Я не подаю игрокам.

– Я ваш постоянный клиент, войдите в мое положение!

– Нет, – подаю знак, его уводит охранник.

– Я телевизор продам, если проиграюсь, всё верну! – кричит он.

– Успокойся, папаша, думай в следующий раз, к кому подходишь, – говорит охранник.

Мы с моими парнями уходим из казино, едем в наш общий дом, где собираются только мои люди. За городом наша «резиденция», большой бревенчатый дом окружен трехметровым забором. Когда я строил его, хотел, чтобы был уют, почему-то в моих мечтах это был деревянный дом с большим камином, именно о таком мы с родным отцом мечтали. Но я не чувствую себя тут как дома.

– О, девок привезли! – радуется Кислый. – Оторвёмся?

– Нет, я пас. Спать пойду.

– Неужели горячая брюнетка высосала из тебя все соки? – Кислый заржал.

– Нет настроения. – Поправляю часы на черном ремешке. Мы заходим в дом, пять разношерстных сук с вождением смотрят на меня, а я на них безразлично. Снимаю куртку, поднимаюсь по деревянной лестнице в свою комнату. Принял душ, иду в комнату, смотрю в панорамное окно на луну, сон не идёт. В тёмное помещение проникает полоска света, заходит голая девица с идеальными, аппетитными формами. Самая борзая?

– Максим, – шепчет она на ухо. – Я так хочу тебя, – рука ползет под одеяло, быстро находится цель, влажные поцелуи, она царапает кожу острыми сосками. Член отзывается на ласки.

– Так сильно хочешь? – она стоит на коленях возле моей кровати, раздвинув ноги, проверяю, течёт сука. Закидываю на кровать, переворачиваю на живот, беру с тумбочки защиту. Её попка задрана кверху, вставляю палец во влажное лоно, с хлюпаньемдвигаюсь внутри.

– Зря ты пришла сама, не люблю покорных, – одной рукой фиксирую её, размазываю смазку по входу попки. Она дёргается.

– Только не так! Я не хочу.

– Поздно, детка, ты сама напросилась, – с трудом проникаю внутрь, она не анальная девственница, но всё равно узко. Она кричит, пытается вырваться, делаю круговые движения вокруг клитора, размазываю соки.

Ее больной стон превращается в удовольствие, и я начинаю бешено долбить её, наматываю рыжую шевелюру на кулак. Ммм, а какой вид, я так доволен, что хочу сделать ей приятно. Довожу её до оргазма, я уже близко к разрядке.

– Хочу кончить тебе на лицо, – перевернув её на спину, залезаю на неё.

– Оближи, – острый язык касается головки, струя попадает на пухлые губы, потом на сиськи, белые капли катятся по чёрному соску. Я её пометил, и от этого нарастает возбуждение, во мне просыпается собственник. Похоже, всё так не закончится, готов к еще одному раунду.

– Макс, там какая-то херня в нашем клубе «Олимп», – перебираю в уме, точно есть такой, но клубом его назвать сложно, дешёвая забегаловка.

– И что там с ним? – спрашиваю Гордыню.

– Парни видели, как какой-то утырок торговал наркотой.

– Сука! Я сказал, что в моем городе не будет этой дряни?

– Ничего, мы с Кислым разберёмся.

– Нет, такое дело нельзя пускать на самотек. Раз он не побоялся прийти в мой город, значит, за ним стоит кто-то посильнее. Я хочу сам на него посмотреть.

– Так и че? Мы притащим его к тебе, и всё.

– Я сказал, что еду, значит, еду. Потусим для вида.

– Лады, пойдём толпой.

Вечером, в половине двенадцатого мы в клубе. Чувствую себя героем сериала «Бригада», Саша Белый, ёпти. В клубе довольно весело, много народу, танцуют, отрываются по полной. Осматриваю помещение, ищу эту падлу.

Мой взгляд останавливается на блондинке. Хрупкая фигурка, грудь троечка, аппетитную попку обтягивает чёрное короткое платье. Она повернулась на стуле, и я смог рассмотреть полоску черных трусиков. Личико такое наивное, чистое, если бы не откровенный наряд, то сказал бы, что она невинная девочка, пухлые губы, в глазах огонь. Она заинтересованно смотрит на меня. Волна возбуждения ударила в пах, со мной такое давно не случалось, понимаю, что жутко хочу малышку.

Заходим в вип кабинку.

– Та блондинка, за барной стойкой, чтобы ни одна сука не рыпалась на нее, если конечно не хотят иметь проблем со мной, – даю указанию Кислому.

– Я понял. Что, зацепила крошка? Да, ничего такая, я бы ей засадил.

– Попридержи свой сморщенный стручок! Она моя! – я злюсь оттого, что она достанется другому?

– Да понял я, не дурак, – он примирительно поднял руки вверх. – Я предупрежу остальных.

Администратор клуба расстарался, накрыл целую поляну, не каждый день у него бывают такие люди.

Толпа в зале улюлюкает, решаюсь посмотреть, что там происходит, опрокинув рюмку дорогого коньяка, выхожу в зал.

– Кислый, Гордыня, прочесывайте территорию.

– А ты?

– Я побуду здесь, – в толпе нахожу ту блондинку, она танцует со своей подругой, звонкий смех доносится до меня даже через биты. Она двигается так пластично, как пантера. Она притягивает мужские взгляды, они буквально облизываются, но боятся подойти к ней, слух, что это моя женщина, пронесся по клубу.

Объявляют конкурс, стою в сторонке, подпирая плечом колонну, смотрю, как на сцену выходит блондинка. У нее такие длинные стройные ножки, хочется провести по ним рукой, почувствовать гладкость нежной кожи. Она волнуется, никто не смеет составить ей пару. Кусает губу, и я срываюсь, иду на сцену в предвкушении охоты, моя жертва не понимает, что она моя цель, и заранее проиграла, пощады не будет.

Диджей спрашивает, кто будет ей парой, слышу её голос, девочку зовут Аня. Пробую на вкус, мне нравится, ей очень подходит это имя.

– Я буду! – она удивленно смотрит на меня. В один прыжок запрыгиваю на сцену.

Грязные танцы? Интересно посмотреть, как она скинет лживую скромность и станет горячей соблазнительницей.

– Справишься? – касаюсь её талии, и сердце бьётся быстрее, я сцапал свою жертву и ей не спастись. Провожу носом по шее, мне нравится её запах, такой лёгкий, как полет в небе, как ее голубые глаза. Она волнуется, но не боится бросить мне вызов. Что в ней такого особенного? Почему мне так нравится прижимать её к себе, чувствовать, как под руками дрожит хрупкое тело?

– Запрыгивай на меня, – говорю Ане, и она доверяет мне.

Это была огромная ошибка, член готов порвать джинсы и даже её трусики не преграда, я едва держусь, чтобы не взять её прямо тут. Веду рукой между холмиков груди, облизываю губы, я так хочу провести языком здесь. Чертовка, а не девушка. Во мне столько эмоций просыпается, не могу разобрать, что чувствую. А когда она приседает, представляю, как охуенно будет вогнать в неё член.

Развернув её, не сдержался, прижал к пилону. В моей голове крутится картинка, как она держится за него руками, а я вдавливаюсь в нее, выхожу на всю длину. У меня просто поехала крыша от её близости, схватил за шею, целую. Исследую её рот с какой-то маниакальной манией, вылизываю. Она не отвечает. Что за хрень? Я, конечно, давно никого не целовал, но не мог же я разучиться? Ну, ответь мне, Анечка, прижимаюсь сильнее, до боли сжимая её бедра. Хочу её прямо здесь и сейчас. Но боюсь, завтра выйдет видео, как трахается Косарев. Мне пофиг, но это смутит Аню. Оттолкнув, врезала мне по лицу.

Что, блядь?! Я тут так расстарался, а наградой мне стала пощечина?

– Да как ты смеешь? – охуела совсем? Смотрит с возмущением. Целку строит? Играет со мной?!

– А ты? Как ты посмел целовать меня?

– Бессмертная что ли? Думай, кому и что говоришь! – хватаю её за скулы, сжимаю, а сам залипаю на её губки, настоящие, не силиконовые, такие мягкие, волнующие на вкус. Я готов порвать ее на куски. А лучше закину на плечо и отнесу к себе. Разгадаю эту головоломку. Почему она мне не отвечает? Я же вижу, как она смотрит на меня. Решил похитить чертовку, поимею и выброшу. Но тут меня отвлекает Кислый.

– Косарь, там проблемы. Гордынь порезал барыгу, – матерюсь, придётся отпустить девчонку.

– Я не прощаюсь, ты мне еще ответишь за всё, – сначала на коленях будешь просить пощады, а потом...

– Макс!

– Да иду я! – спрыгнул со сцены, поморщился, в джинсах так тесно, и все из-за какой-то шлюхи?

Глава третья

Фух, отпустил! Как от сердца отлегло! Максим ушёл, а меня всё ещё потряхивало. На трясущихся ногах спустилась со сцены.

– Девушка, подождите, – окликнул меня диджей, – вот ваши деньги, – передал мне красную бумажку.

– Спасибо.

– Ань! Ань! – визжала подруга. – Так классно! Вы так круто вместе смотрите! У меня от вашего танца мурашки по коже поползли, а от поцелуя, я думала, сознание потеряю! А потом ты ему врезала! Во! – она показала большой палец. Запоздало вспомнила, что просила её снимать мой триумф/позор.

– Ника, надеюсь ты не снимала на видео?

– Шутишь? Всё задокументировано, – я вмиг протрезвела.

– Сотри, пожалуйста.

– Так Я уже! Памяти в телефоне мало. Надо Ашота попросить, чтобы новый купил.

– Спасибо, не хочу видеть этот позор.

– Ну, это у тебя не получится, я в YouTube выложила, – ик. Икота началась от этих стрессов. Не Косарь же меня вспоминает?

– Удали, быстро!

– Аня, ну что ты волнуешься?!

– Что?! Да он меня за пощёчину чуть не убил, а тут мой подвиг в интернете. Может, никто не успел посмотреть?

– Сейчас гляну, – она зашла на свою страничку YouTube канала.

– Ого! Двадцать тысяч просмотров! За пять минут! И-и-и! – Вероника полезла целовать меня. – Ты ж моя золотая антилопа! Это же какие деньжища я на рекламе сделаю?

– Ника, ну, пожалуйста, удали. Не дай бог это увидит Косарь, мне же не жить!

– Ань, ну а смысл удалять? Это видео небось полгорода скачало.

– Точно, в деревню придет переезжать. Надеюсь, этот бандит не поедет за мной в такую глушь, может свою крутую тачку разбить.

– У него не машина, а танк, непременно проедет по любой грязи.

– Спасибо, успокоила, – с сарказмом ответила ей. – Всё, домой! Хватит с меня этих приключений!

Вероника пыталась меня отговорить, но я была непреклонна. Она осталась в клубе, к ней подкатил какой-то парень.

Вышла на улицу, полной грудью вдыхала летний воздух, смотрела на звезды, успокаивалась. Помогало не очень. Плелась в сторону дома, на асфальте, возле клуба было алое пятно. Вспомнила, что миньон Максима говорил про то, что кого-то порезали. Ладонки вспотели, волосы на затылке зашевелились. А если бы Максим не ушёл, я могла быть на месте этого несчастного? Всплыли слухи про них, что их банда скидывала трупы в карьер за городом, а некоторые сжигали в кочегарке.

Ведь не хотела идти в этот клуб. Зачем спрашивается передумала?

Пока шла до дома в каждой встречной машине мерещился Максим и его банда.

Придя домой, закрылась на все замки и даже на задвижку. В голове звучали слова Косаря: «Ты ещё мне ответишь».

Следующий день провела дома, позвонила бабушке, Тае с Машей очень нравилось в деревне. А я боялась, что она через полчаса попросится домой. Я уже успокоилась, но тут в дверь постучали. Подошла на цыпочках, посмотрела в дверной замок, в подъезде стоял отец.

– Аня! Пусти, пожалуйста! Я всё осознал, я исправлюсь. Дороже тебя и Тайки у меня никого нет! – стояла молчала, меня разрывало на две части, с одной стороны, столько раз ему верила, и он всегда меня обманывал, но вдруг он изменился? Он же мой отец! Папа не всегда был таким, когда мне исполнилось

семь лет, он впервые выиграл крупную сумму денег, купил мне беременную Барби с париками, компьютер. Правда, потом всё это продал...

– Анют, ну, пожалуйста! Я все осознал! Я уже два дня не ел, – ну, и как тут устоять? Я же не зверь, чтобы морить отца голодом.

Открыла дверь, отец осунулся, под глазами мешки от недосыпа, рубашка мятая. Правильно, кто ещё будет о нём заботиться?

– Пап, – обняла его, – помни, ты обещал!

– Тут такое дело, дочка, – дверь открылась, и я с ужасом смотрела, как в коридор заходят люди Косарева. Одного из миньонов я узнала, именно он позвал Максима.

– Что вам нужно? – в страхе отступала, пока не врезалась в стену.

– Собирайся, крошка, мы за тобой, – в холодных безжизненных глазах появились весёлые искорки.

– Отец, что происходит? – вопросительно посмотрела на него.

– Дочка, я проигрался. По-крупному. Взять с меня ничего, вот я и предложил...тебя.

– Ты проиграл меня в покер?! Ты в своем уме? – я не верила в происходящее. Он же мой отец!

– Анют, ну а что делать? Неужели ты позволишь им убить своего родного отца?! Поверь мне, они могут!

– А мне всё равно! Ты большой мальчик, должен сам отвечать за себя! Давайте, забирайте его. Я никуда не пойду с вами!

– Не глупи, крошка, давай по-хорошему. – говорил Кислый.

– Я не вещь, я человек! – вы не можете...

– Так, мне всё это надоело! – перебил меня миньон, больно дернул за локоть, я врезалась в лысого качка.

– Пусти! – била его кулаками, тому хоть бы хны. – Полиция! Помогите! Насилуют! – он заткнул мне рот ладошкой.

– Пока нет, но это очень скоро случиться, – сердце так бешено колотилось в груди, что я удивлялась, как оно ещё не остановилось. Укусила его за руку, лысый придурок взвыл. – Отец, помоги, – он просто отвернулся и ушёл в комнату.

Громила завернул мне руки назад, стянул запястья кабельными стяжками. Я попыталась выдернуть руки, но прозрачная полоска впивалась в кожу, причиняя боль.

Меня, как мешок, взвалил на плечо и куда-то понес, я давилась слезами. Отец отвернулся, продал, отдал, как имущество. И не помог, когда просила. Я конечно знала, что отец давно потерял человечность, но не до такой же степени! Что сейчас со мной сделают? Убьют? Но зачем так далеко тащить? Да и убытки должен кто-то возместить.

Меня поставили возле джипа, один из качков достал из багажника мешок.

– Чтобы ты больше не дурила и поняла всю серьезность положения. Мы не играем с тобой, крошка. Ты отработаешь долг или умрешь, – говорил Кислый прокуренный голосом.

Что значит отработаю? Может уборщицей или... Да нет, хватит верить в сказки. И так понятно, что подразумевал лысый чёрт.

– Пожалуйста, отпустите меня, прошу. Я никому ничего не расскажу, – они только поржали над моей наивностью. Я для них просто забавная игрушка, которая будет делать, что они хотят. Я замолчала, не хотела становиться посмешищем для них.

Всю дорогу слушала болтовню бандитов, они, кажется, совсем забыли о моем существовании.

Машина остановилась, меня вытолкнули из неё.

– Руки хоть развяжите, – попросила их. Холодное железо коснулась моих запястий, разрезая кабельные стяжки.

Перебираю ногами, спотыкаюсь. Я бы упала, если бы не сильные мужские руки, которые держат меня с двух сторон.

– Курица неуклюжая! – пробасил прокуренный голос.

Ориентируюсь на слух, пытаюсь понять, куда меня ведут. Стрекот сверчков, где-то вдалеке ухает сова, в воздухе пахнет свежескошенной травой, полевыми цветами. И оружейным маслом. Им сильнее всего, этот запах исходит от брезентового мешка, одетого мне на голову.

– Ступеньки, поднимай ноги, – предупреждает знакомый мне голос. Я выполняю, слышу, как открывается сейф-дверь, мы продолжаем куда-то идти.

– На колени! – приказывает тот же голос. Я бы не подчинялась, но мне давят на плечи руками, и бьют под коленки. Я падаю, больно ударяясь коленными чашечками. С меня снимают мешок, перед глазами пляшут белые круги, яркий свет слепит.

Оглядываюсь, я на коленях, вокруг меня собираются мужчины, они похожи на призраков девяностых. Лысые, блестящие головы, черные футболки, на шее толстые золотые цепочки. Глаз не видно, даже в помещении на них солнцезащитные очки.

– Где Косарь? – спрашивает мой знакомый хриплым голосом, таким скрипучим, словно он отсидел лет десять и пил только чифир, выкуривая по две пачке сигарет «Беломор».

– На хрен тебе Макс? – спрашивает его лысая копия. Все они здесь, как под копирку, бандиты. – За что девчонку притащил? Что она сделала?

– Она ничего. А вот её папаша проигрался в пух и прах в нашем казино. Квартиру не забрать, она в социальном найме, принадлежит государству. Вот ее отец и предложил расплатиться дочерью, – я сглотнула горькие слёзы, прав лысый чёрт, папа так и сказал.

– Что она будет делать? – спрашивает один у другого, не обращая на меня внимания, словно меня здесь не было. Сердце замерло в ожидании приговора.

– Что в борделе делают? Больше она на что не способна. – рядом стоящий мужик наклонился ко мне, схватил за скулы, больно сжимая прокуренными, желтыми пальцами, покрутил моё лицо, внимательно осматривая товар.

– Ничего такая, – удовлетворённо кивнул, передвигая солнцезащитные очки на лоб. – Надо бы попробовать, он поправил ствол, не марки ТТ, который висел правее, тот, который я в глаза никогда не видела. Испуганно смотрела то на одного, то на другого, облизывая мягкие от слез губы.

– Мальчики, пожалуйста, отпустите меня. Я отработаю. В смысле, заработаю, всё до копеечки верну. Честно! – смотрела на ублюдков, молящими глазами, сердце, в который раз за сегодняшний день остановилось.

– Мальчики! – заржал лысый. – Ты слышал, братан?

– погоди! – остановил его другой. – Как тебя зовут? – обратился ко мне.

– Я Аня.

– Кем ты работаешь, сладкая Анечка? – заправил мне прядку пшеничного цвета за ухо.

– У Ашота, продавцом. Но я могу и фасовщицей, и уборщицей. Я все верну! Только не трогайте меня!

– Хули ты с ней церемонишься? Она такой долг и через сто лет не вернёт! Даже если двадцать четыре часа в день будет вкалывать. В притон её, но сначала нужно посмотреть, что она умеет. – поглаживал ширинку, раздевая меня глазами.

Обернувшись, искала в толпе этих нелюдей помощи, но поняла, защиты ждать неоткуда, у всех бандитов был такой же настрой.

– Тёлки не приехали, придётся тебе, Анечка, поработать. Справишься с десятью мужиками? – за спиной раздался одобрительный хохот.

– Со сколькими?!

– Смотри, как глазки выпучила, того гляди выпасть могут. Видно, что не затраханная, молоденькая. Ох, бля, сейчас яйца треснут, так хочу её ротик!

– Пошёл на хер, Гордыня, мне, как пострадавшему, нужна компенсация.

– Что ты несёшь, Кислый?

– Да эта сука сопротивлялась, смотри, как тяпнула за руку, – он показал следы моих зубов на руке.

Да, было дело, тогда я еще надеялась, что спасусь.

– Я буду первым в её ротике! – схватил меня за челюсть, широко открывая рот.

– Смотри, сука, укусишь, я тебе коленную чашку прострелю. Поняла? – смотрела в безжизненные, нечеловеческие глаза и верила, он говорит правду.

Кислый пытался расстегнуть ширинку. Я находилась в полуобморочном состоянии, слёз не было, наступило оцепенение, не верила, что это происходит со мной по-настоящему, все казалось сном, ужасным кошмаром.

– Стой смирно, – он отпустил мою челюсть, пытаюсь расстегнуть молнию двумя руками. Чтоб он прищемил свой грязный член!

Посмотрела по сторонам, лысые мужики стояли молча, в предвкушении. Не к месту вспомнилась считалка про десять негритят.

– Черт! Член колом стоит, расстегнуть не могу! – сетовал Кислый.

– Что тут происходит? – услышала до боли знакомый голос. Парни расступились, и я увидела его, человека, которого ненавидела и боялась до одури.

Вам было когда-нибудь так страшно, казалось, что душа выскочит из тела? Мне да. Я смотрела в чёрные глаза и тряслась от чувств, переполнявших меня.

Увидев меня, его глаза загорелись черным пламенем.

Он шёл ко мне, я, не разрывая зрительного контакта, отползала, пока не уперлась спиной в ноги его шестёрки. Джинсовая юбка задралась, были видны мои белые кружевные трусики. Туда-то и смотрели чёрные глаза. Дрожащими пальцами пыталась одернуть юбку, ничего не получалось.

Он улыбался красивой голливудской улыбкой. Но она пугала, как оскал волка.

Макс взял меня за подбородок и сказал:

– Ну, здравствуй, Анечка. Я же говорил, что ты ответишь за свою дерзость.

Теперь толпа озабоченных мужиков кажется не такой страшной. Они просто его шестерки, а что сделает со мной вожак стаи за пощечину, за видео, которое наверняка посмотрел. За нелестные отзывы о нём в комментариях под видео, вроде того: «Молодец, девочка! Давно надо было кому-то врезать этому придурку!»

– Ты идёшь со мной! – он потянул меня за собой.

– Не пойду! Гордыня, помогите, пожалуйста, – среди всех этих подонков, он показался более человечным. Он хоть и говорил ужасные вещи, но смотрел на меня с какой-то нежностью. Его броню можно было пробить. А вот главаря, вряд ли.

– Ты ищешь защиты у него? У того, кто притащил тебя сюда?

– Не он притащил, а другой миньон... – поняла, что сказала это вслух.

– Что за хрен? – возмутился Кислый. – Как ты меня называла? – А что? Прислужник самого сатаны ему больше бы понравилось?

– Простите.

– Я ещё с тобой поговорю, – Косарь тыкал пальцем в Гордыню.

– Не, а чё я-то сразу? Я сам в ахуе, что она просит помощи у меня.

– Я не пойду никуда! – демонстративно села на пол.

– Хочешь, чтобы тебя пустили по кругу? – издевательским тоном спросил Косарь.

– Лучше десять чертей, чем сам дьявол! Животное! – я понимала, что перешла все границы, да лучше умереть чем так жить.

– Сука! – взвыл Косарь. – Ты ответишь за каждое слово.

Он взвалил меня на плечо и понес наверх. Я брыкалась, укусила его за спину, он в ответ задрал юбку и шлепнул по голой попе.

– Я покажу тебе животное! Стерва, ответишь за каждое слово. За видео, которое ходит по сети. Прославиться решила за мой счёт? А казалась такой наивной овечкой. Ответишь, что унизила меня перед моими людьми. Я сначала трахну тебя, потом пущу по кругу, как ты этого хотела.

– Лучше убей сразу, чем так мучиться! Я ненавижу таких, как ты!

Он с ноги открыл дверь в комнату, запер ее на ключ. Бросил меня на кровать, придавив своим телом. Слетели последние предохранители.

– Ненавижу! Похотливое животное, – с этими словами вцепилась острыми ногтями в лицо Максима, пять красных полосок пересекли глаз.

– Шлюха! – он завернул мне руки за спину, придавил всем телом.

– Пошёл на хер, придурок! – смачно плюнула ему в лицо. В его руках появился складной нож, видимо он достал когда-то с кармана, с щелчком развернул нож. В темном помещении холодный блеск металла выглядел зловеще. Я притихла, сердце бешено стучало, во рту пересохло. Мне не хотелось умирать.

– Теперь ты не такая смелая? – он провел острым лезвием по белой футболке, одним движением разрезая её, голую кожу обжёг холодный воздух или это чёрные глаза? Максим провел рукой по торчащему соску подушечкой пальца, оставляя ожог на теле. Он, как-то изменился, на меня никто так не смотрел.

– Красивая, зараза, – припал губами к груди, больно втягивая, волна незнакомых ощущений захлестнула меня, коленом он раздвинул ноги потерся бугром о промежность. Трусики намокли, дыхание участилось, тело отказалась сопротивляться, наслаждаясь грубой лаской.

Приподнявшись, он разрезал юбку, потом кружевные трусики.

– Отпусти, – взмолилась я, когда его палец коснулся нежной кожи, собирая смазку, потом он поднес к губам и облизал.

– На, попробуй, это вкус твоего удовольствия, – засунул палец в рот приказал хриплым голосом:

– Соси, – второй рукой провел по нежным губам, меня потряхивало от чувств. Это и есть возбуждение? Но как это возможно? Так не должно быть!

– Да, детка! – промурлыкал он, когда проник внутрь подушечкой большого пальца. – Как же узко, какое у тебя податливое тело. Не обманывай себя, ты хочешь меня.

Отрицательно замотала головой, дергалась, пытаюсь вырваться из плена, но сделала только хуже. Возбуждение стало запредельным, я просто плавилась от того, как быстро двигался его палец внутри меня, нравился его запах, горящие черные глаза, что видели меня насквозь, как рот втягивает розовый сосок, чувствовала солоноватый вкус его пальца. И я сама двигала бедрами навстречу ему. Его стон вибрацией отдавался в теле.

– Анечка, – хрипло шептал мне на ухо, прикусывая мочку. Я просто потеряла связь с реальностью, мне необходимо было то, что мог дать только он. Максим впился в меня губами, поглаживая языком мой, приглашая присоединиться к какому-то древнему танцу, я несмело ответила.

Освободила, наконец, руки, и нет, чтобы откинуть Максима, наоборот, притянула его ещё сильнее к себе. Ещё чуть-чуть, с каждым движением его пальца внутри меня, взлетала куда-то выше.

Не заметила, как он расстегнул джинсы, как горячая головка коснулась плоти. Я летела в рай, а попала в ад, где в геенне горело всё тело, боль стала запредельной, расцарапала ему спину, укусила за губу, но он словно не заметил.

Оторвавшись от моих губ, спросил хриплым голосом:

– Ань, ты что, девственница?!

Глава четвертая

Максим

Нужно быть осторожнее в своих желаниях. Хотел что-то чувствовать? И вот в моей жизни появилась Анечка. Рядом с ней масса эмоций захлестывают меня, накрывают с головой, как цунами. Даже ревность. До этого момента незнакомое для меня чувство. Вzbесился, как она смеет? Другая была бы счастлива, что я обратил на нее внимание, спас от своей банды, ведь как пить дать, растерзали бы девчонку.

И что я получил взамен? Она назвала меня животным! А раз так, я покажу ей всех своих демонов.

Сначала это была месть. Шлюшка строит из себя неприступную, а потом я что-то увлекся... Она своим сопротивлением бросала мне вызов, для меня стало идеей-фикс заставить её желать меня.

Когда первый стон сорвался с ее губ, опьяняя меня, слетел с катушек. Мне до одури захотелось обладать ею.

С ней забыл обо всех своих табу. Что никогда не целую девушку, что без защиты не трахаюсь. Помутнение какое-то. Взыл от удовольствия, когда медленно проникал в неё, перед глазами все плыло, сделав толчок, понял, что была преграда.

Что? Неверяще смотрел на Анечку, из её глаз рекой льются слёзы, грозя затопить нас, губы истерзаны до крови. И задал риторический вопрос:

– Ты что девственница?!

– Была! Чертов придурок! Отпусти, мне больно, – нет, ни за что, не смогу. Она царапала мне спину, кусала губы, не смог остановиться. Впился в ее губы, наш поцелуй был с привкусом железа, в голове стучало слово: моя! Как обезумевший покрывал её тело поцелуями, втягивал в рот розовый сосок, двигался осторожно. И она ответила. Видимо, боль прошла.

С каждым толчком мы приближались к нашему общему раю.

– Максим, – простонала она моё имя, сжимая член нежными стенками, обхватывая как перчаткой. Серо-голубые глаза заволокла пелена. Я едва успел выйти из неё, выстрелив семенем так далеко, что достал до груди.

Понял, что хочу повторения, хотя бы ещё раз оказаться в ней, слушать её стон, хотел бы быть нежным с ней. Это мысль, как ведро холодной воды. Так и привязаться можно.

Встал с кровати, достал из шкафа свою спортивную форму и кинул ей. Щеки Ани покраснели, она стыдливо куталась в покрывало.

– Можешь идти, ты отработала долг, – её взгляд стал стальным.

– Подонок! Как таких земля носит!

– Подонок, – согласился с ней, подошёл кровати, опираясь на колено, приблизился к ней. – Но именно подо мной ты стонала, как последняя шлюха. Звонкая пощечина, взгляд, полный ненависти. Схватил её за запястье, поднял вверх.

– Ещё раз так сделаешь, и я трахну тебя в зад, и заставлю стонать и от этого.

– Ненавижу! – улыбнулся и впился в ее губы. Она брыкалась, кусалась, сползло покрывало, острые соски царапали голую кожу, обжигали. И опять схожу с ума от страсти.

– Собирайся! – надел джинсы на голое тело, схватил футболку и выбежал. Я боялся, что сорвусь, надо держаться подальше от девчонки.

Спустился вниз, Гордыня широко улыбался.

– Слышали, девчонка огонь! Так стонала! Отдашь нам? – схватил его за грудки.

– Чтобы ни одна сука её не трогала! Вам ясно?

– Да поняли мы, – обиженно сказал Гордыня.

Аня бесшумно кралась по ступенькам, как затравленный зверёк, но я почувствовал, обернулся. Увидев меня, она пулей вылетела из дома. Чертыхнувшись, побежал следом.

– Куда бежишь? Больная что ли? – в ночь, не зная дороги. Она мышкой прошмыгнула в приоткрытые ворота. Шустрая какая, едва догнал её, схватил за талию.

– Пусти! – Аня кричала, вырывалась.

– Успокойся, я отвезу тебя домой, – глаза испуганно бегают, она смотрит на пустынную трассу. Неужели она боится меня ещё больше, чем возможности нарваться на неприятности?

– Нет, спасибо. Я как-нибудь сама доберусь.

– И как? Ты хоть знаешь где мы находимся?

– Нет, доеду на попутках.

– Даже если случится чудо, и посреди ночи тебе встретиться машина, где гарантия, что за рулём не будет маньяк-насильник?

– Ещё один? – это она так намекает на меня? – Снаряд в одну воронку не падает.

– Я не насильник! Ты сама этого хотела, стонала подо мной. Могла бы предупредить, что ты девственница.

– И что бы это изменило? То бы остановился? – нет, конечно, я так её хотел, до сих пор хочу, словно то, что было, всего лишь разминка. Она поняла всё без слов.

– Вот видишь! А я о чём? Ты бы не остановился!

– Нет, но я бы был нежнее.

– Нежнее? Ты? Что-то не верится.

– Так, всё! Мне надоела твоя болтовня, – закинул её на плечо. Мои спортивные штаны сползли с неё, оголяя упругую попку. Так захотел взять и её, уже потянулся рукой, чтобы размять её, потом вогнать палец, расширяя её, а в машине засадить и туда. Но вместо этого просто поправил штаны. Джентльмен, блин.

Дошёл до машины, посадил её на переднее сиденье, для надежности пристегнул ремнем безопасности. Вдруг эта красная шапочка рванёт в лес и найдёт другого волка.

– Куда ехать? – завел машину и выехал со двора. Она сказала адрес. Аня живёт в опасном и бедном районе. Почему-то меня тревожила это мысль.

Всю дорогу молчал, не знал, что сказать. Меня снедало чувство вины. Извиниться? Прости, что трахнул тебя? Но я не жалею об этом. Может, я смог бы

поухаживать, чтобы она сама попросила о сексе.

Она отвернулась, сложила руки на груди. Сегодня я вижу её в последний раз, мне так хочется запомнить её черты, легкий аромат. Только рядом с ней я чувствую себя живым.

Мы подъехали к двухэтажному дому, явно в аварийном состоянии. Хрущёвка. Не думал, что такие ещё существуют.

– Прощай, надеюсь никогда больше не увидимся! – произнесла гордячка, выходя из машины.

Она таяла в моих руках, а теперь смотрит на меня с презрением. Врезал по рулю. Что за несносная девчонка? Хлопнул дверью, так громко, что стекла развалюхи вздрогнули, того и гляди посыпятся.

На втором этаже услышал шаги, поворот ключа. Поднялся, дверь была приоткрыта, из-за неё раздавались крики.

– Убирайся отсюда! Ты мне больше не отец! – кричала Аня.

– Что? Не смогла покорить сердце бандита? Сгодились только на один раз?

Да уж, не повезло Анечке с отцом. Толкнул дверь, вошел, осмотрел помещение. Старенький ремонт, но чистенько. Хозяюшка, видимо, постаралась. Зашел на маленькую кухню, размером с мой туалет.

Картина, как говорится маслом, отец Ани сидит за столом, глушит горькую, занюхивая рукавом. Она, увидев меня, вжалась в подоконник, растеряла весь боевой настрой. Меня неприятно кольнуло это. Что я за тварь такая, что запугал этого кролика с огромными серо-голубыми глазами, в которых можно утонуть, особенно когда они с поволокой желания.

– Что вам нужно? – заикаясь спросила она.

– Ты его знаешь? – округлив глаза, спросил отец.

– Да, это... Максим.

– Ничего себе! Ты знаешь самого Косарева! – восхищался старый чёрт. – Он у меня в доме! И ты с ним трахалась? – радостно спрашивал отец. Щёчки Анечки покрыл густой румянец, губки, напоминавшие на вкус землянику, приоткрылись.

Ничего не говоря, схватил этого урода за шкурку и вывел в коридор.

– Ты сейчас пакуешь манатки и сваливаешь отсюда! – мало ли, вдруг сволочи понравилось торговать дочерью.

– Это мой дом! Вы не имеете права! – я закипел, страшно представить, что могли сделать мои ребята с девочкой, и в притон запросто могли запихнуть. Замахнулся на него.

– Максим! – Аня вцепилась хрупкими тонкими пальчиками в бицепс. – Не надо, пожалуйста! – она или полная дура, что защищает его, или слишком добрая. И то, и другое опасно, другие будут пользоваться этим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lorenc_katya/pokorit-bandita

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)